

УДК 82-4 (17.82.40)

С. К. Пестерев

СФЕРА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ОЧЕРКАХ М. А. АЛДАНОВА

Исследуются типы персонажей русской и европейской политической истории в аспекте их частного существования, представленные в очерках Алданова. Анализируются такие аспекты поэтики, как семантика родительского дома и семейные коллизии. Материалами служат тексты очерков «Убийство Урицкого», «Азеф» и «Номер 14».

Ключевые слова: Алданов, Каннегисер, Азеф, Муссолини, очерк, поэтика, частная жизнь, семья, дом, политика.

В системе персонажей прозы Марка Алданова, в первую очередь художественных очерков, устойчивое место занимает тип политического деятеля: это и политические лидеры (Ленин, Муссолини, Гитлер), и террористы-революционеры (Каннегисер, Азеф)¹. Внутренний мир главных героев создается классическими для русской литературы способами, среди которых неизменно остаются семейные коллизии, представленные в нескольких аспектах: родительский дом, супружеский союз, иные формы взаимоотношений главных героев с женщинами.

Наиболее репрезентативными в избранном аспекте представляются очерки «Убийство Урицкого» (1923), «Азеф» (1930) и «Номер 14» (1948). Во всех названных текстах представлены знаковые фигуры политической истории России и Европы XX в., все они так или иначе включены в отношения частной жизни, и, наконец, в этом ряду значатся произведения разных этапов творчества Алданова, что позволит сделать выводы о роли и функциях частной жизни в судьбах исторических личностей².

В очерке «Убийство Урицкого» важное место обретает семантика родительского дома. В тексте очерка упоминания о родительском доме Каннегисера встречаются шесть раз. Знакомство автора с Леонидом Каннегисером, молодым террористом и центральной фигурой очерка, происходит в доме его родителей. Родной дом Каннегисера – знаковое место в Петербурге, место встреч многих знаменитых людей, «культурнейшая обстановка» [3]. В своем дневнике герой пишет: «У меня есть ком-

ната, кровать, обед, деньги, кафе и никакой жалости к тем, у кого их нет. Если меня убьют на войне, то в этом безусловно будет некоторый высший смысл...» [3, с. 489]. Алдановский герой следует парадигме судьбы подпольного героя, о котором сложился миф в литературе: «Герой молод, он не успел пожить, он отдал в жертву свою молодую жизнь, что делает его жертву несравнимо ценнее, чем жизнь, скажем, убитого им старика-министра или губернатора средних лет, успевшего пожить. Герой жертвует не только жизнью, но и правом любить, создавать семью, рожать детей» [4]. Мотив дома, семьи в тексте очерка связан с идеей жертвы, которую должен принести террорист за свои убеждения. Он отрывается от быта, материального мира, семейных связей. Коллизии взаимоотношений героя и обитателей родительского дома выстраиваются в логике притяжения-отталкивания. Каннегисер уходит из дома уже после казни товарищей, «после потрясшей его казни». Это обусловлено не только инстинктом самосохранения, но и попыткой изъять себя из привычных связей и оградить родных от преследования. Каннегисер не мог не знать, что семья пострадает из-за его покушения на начальника Чрезвычайной Комиссии. Но в четвертой главе фиксируется ситуация, когда в день преступления Каннегисер все-таки приходит поиграть в шахматы с отцом: «Ночевал он, как всегда, вне дома. Но рано утром снова пришел на квартиру родителей пить чай. Часов в девять он постучал в комнату отца, который был нездоров и не работал. Несмотря на неподходящий ранний час, он предложил сыграть в шахматы. Отец согла-

¹ Интерес Алданова к этим фигурам отмечал уже Ч. Н. Ли [1].

² Другим знаковым политическим фигурам – Ленину, Сталину и Гитлеру – Алданов посвящает такие тексты, как написанный по-французски в 1919 и 1922 г. переведенный на английский (в русском переводе впервые появился в 2008 г.) текст биографического характера «Lenine», а также «Сталин» (1928) и «Гитлер» (1936). Что касается Ленина, упоминается о его происхождении: «Ленин был из потомственных дворян. Легенда, имеющая широкое хождение в наше время, даже восхваляет богатство и древность рода Ульяновых. Но Зиновьев говорит, возможно, в качестве подачки демократическому чувству толпы, что отец Ленина был крестьянского происхождения» (перевод наш. – С. П.). Как можно заметить, уже в начале своего творческого пути Алданов демифологизирует персонажа, о судьбе которого уже тогда рождались разного рода домыслы. В очерке «Сталин» (1928) саркастически формулируется идея циничного поправа политическими вождями, в первую очередь – Лениным, семейных ценностей: среди способов «пополнения партийной кассы» у Ленина значился и матримонийный, когда он «поручил своим товарищам по партии жениться на двух указанных им богатых дамах и передать затем приданое в большевистскую кассу» [2]. Гитлер и Сталин в названных очерках изображены вне сферы частной жизни.

сил, – он ни в чем не отказывал сыну. По-видимому, с исходом этой партии Леонид Каннегисер связывал что-то другое: успех своего дела? удачу бегства? За час до убийства молодой человек играл напряженно и очень старался выиграть. Партию он проиграл, и это чрезвычайно его взволновало. Огорченный своим успехом, отец предложил вторую партию. Юноша посмотрел на часы и отказался» [3, с. 511]. Игра в шахматы – метонимическое замещение дворянского уклада жизни, от которого герой пытается и не может окончательно оторваться. Также можно интерпретировать это как игру с судьбой, как своеобразный способ прощания с домом и отцом. Чтение вслух – еще один из ритуалов дворянских семей, которому следует Каннегисер. Примечательно, что он просит сестру прочитать главу из «Графа Монте-Кристо», посвященную политическому убийству. Алдановский герой не может полностью избавиться от семейных уз.

Последний фрагмент, где упоминается родительский дом, – попытка автора реконструировать мысли Каннегисера перед убийством: «О чем он думал? О том ли, что еще не поздно отказаться от страшного дела, – еще можно вернуться на Саперный, пить чай с сестрой, отыграть в шахматы у отца или продолжить чтение “Монте-Кристо”? О том, что жизни осталось несколько минут, что он больше не увидит этого солнца, этой площади, этого дворца?.. О том, не пора ли взвести на “fife” предохранитель револьвера? О том, что швейцар странно косится и, вероятно, уже подозревает?» [3, с. 512]. Точечно о семье упоминается в заключительной, шестой, главе, где говорится, что она спаслась. Но автора интересует не родительский мир, а герой, который, отказавшись от семейных ценностей и предав родной дом, обрекает себя на трагическое одиночество перед смертью.

В финале очерка происходит проекция литературного сюжета – гоголевского «Тараса Бульбы» – на судьбу Каннегисера, которому не дано было обрести поддержку перед смертью: «Вся короткая его жизнь прошла в поисках мучительных ощущений. Эту чашу он осушил до дна... <...> Он пил ее долгие недели без утешения веры, без торжества победы над смертью перед многотысячными толпами зрителей без “Слышу!” Тараса Бульбы» [3, с. 516]. Таким образом, топос родного дома в соотношении с судьбой террориста приобретает семантику того устойчивого мира, отказ от которого означает искажение естественных координат жизни.

В очерке «Азеф» способы создания образа провокатора Азефа разнообразны, среди них – опора на документальные источники и художественные тексты, субъектная организация, а также сюжетные ситуации, связанные с приватной сферой его существования. В начале очерка упоминается, что

у Азефа была жена, «рядовая социалистка». По свидетельству Б. Николаевского, на которого ссылается Алданов, она ушла от Азефа, узнав о его разоблачении. В дальнейшем о жене больше не говорится ни слова, и в этом можно усмотреть способ характеристики героя как человека, равнодушного к институту брака и к законам общественной морали. В девятой главе, уже после упоминания о разоблачении и бегстве Азефа, возникают коллизии его частной жизни. В очерк вводится женский персонаж, немка К., сожительница Азефа, – так она названа несколько раз. Присутствуют упоминания о свадьбе, но, скорее, в ироническом ключе, так как этот «фасад» семейной жизни необходим для адаптации в среде немецких бюргеров. Иронический дискурс выдает авторское неприятие профанации супружеской жизни. Сожителство, в сравнении с традиционной формой жизни любящих людей, браком, наделено меньшим количеством обязательств между партнерами.

Фрагментарный сюжет отношений героя и его спутницы осложнен и другими смыслами. Отношения между немкой и Азефом – сердечные и теплые, он дарит ей подарки, проводит с ней время, они даже открывают совместное дело. Находясь в тюрьме, он пишет ей письма, а после смерти Азефа в 1918 г. она хоронит его на кладбище в могиле без надписи, опасаясь неприятностей. Мотив привязанности Азефа к немке трансформирует представления об идеальном террористе. Он, как было указано выше, должен отказываться от любых вмешательств частной жизни в свой мир, и то, что Азеф заводит продолжительный роман, говорит о профанации этой идеи, а также о расхождении Азефа с парадигмой судьбы подпольного героя. Его привязанность выдает вполне гедонистическую философию жизни, нежелание отказываться от житейского комфорта. Неоднократно встречаются упоминания о развлечениях Азефа: «Азеф с немкой находились в Биаррице и превосходно проводили время: удил рыбу, ездили в Сант-Себастьян, в Мадрид» [3, с. 468]; «Азеф в полосатом купальном костюме выходит из воды, под руку с немкой. На его лице блаженная сияющая улыбка» [3, с. 470]; «Азеф жил в свое удовольствие, посещал увеселительные места, оперетту, осматривал разные достопримечательности» [3, с. 472].

С точки зрения субъектной организации взаимоотношения Азефа и немки воссозданы в зоне авторского слова и сознания, в том числе и последний абзац: «Верная немка похоронила его, по второму разряду, на Вильмерсдорфском кладбище. Надписи на могиле нет никакой, во избежание неприятностей (“вот рядом тоже русские лежат”))» [3, с. 485]. Единственный раз сознание женщины открывается в завышенной фразе «вот рядом тоже

русские лежат». Верность немки остается загадочным для автора феноменом и при этом закрепляет за женскими персонажами традиционную семантику верности.

Своеобразным продолжением сюжета взаимоотношений политического деятеля и женщины прочитывается очерк «Номер 14», где речь идет о последних днях и гибели Бенито Муссолини и его спутницы Клары, последней женщины в его жизни. С точки зрения субъектной организации можно обнаружить принципиальное отличие от «Азефа»: в «Номере 14» происходит пересечение двух потоков сознаний, обоим героям, Муссолини и Кларе, дано равное право на самовыражение. Несколько фрагментов взаимооценки оформляются как прямая или несобственно-авторская речь. В сознании Муссолини Клара остается объектом привязанности: «Бросать Клару он никак не собирался. Понимал, что во всем мире только она его любит, и сам еще любил ее, хотя меньше, гораздо меньше, чем прежде» [5].

В ночь после пленения Муссолини размышляет о возможности побега, и его мысли устремляются в иное направление: «И что же я сделал бы с ней? – Подумал он, взглянув на Клару. – Нет, мне все равно! Я не такой человек, как другие. Никого не люблю, и никто не стоит любви» [5, с. 257]. Клара для Муссолини выступает как своего рода замена родительского дома, материнской защиты и жертвенности. Семантика женского персонажа развивает то, что уже было намечено в последнем абзаце очерка «Азеф» – идею жертвенности и верности женщины. Ее неистовое желание – убедить Муссолини, что все будет хорошо, обмануть себя и при этом готовность быть вместе до конца: «Она тотчас заговорила опять. Да, она немного устала, но это пустяки, лишь бы не слишком устал он, все будет отлично, он увидит, они утром же и уедут, но теперь надо закусить, ах, это полента! Она страшно любит поленту, а вот молока ей совсем не хочется, он должен выпить все молоко, так велели доктора, кажется молоко чудное, ну да, деревенское, непременно надо закусить, в Швейцарию долго ехать, впрочем, нет, это совсем близко, но там его облепят журналисты, сначала надо принять ванну, в швейцарских гостиницах и теперь кипятки, конечно, круглые сутки, они чудесно отдохнут, ему непременно надо соблюдать режим, непременно!» [5, с. 260]. Ее прямая речь – попытка «заговорить» себя и Муссолини от близкой расправы. Она хватается за любые детали, которые позволяют ей оттянуть трагический финал: «Она тотчас опять заговорила, еще быстрее, еще бессмысленнее, чем прежде, но все тише, все невнятной. Конечно, она знала, она твердо знала, она ни одной минуты не

сомневалась, ну разумеется, его спасут, ах, какое счастье, зачем было волноваться, разве у кого-либо может подняться рука на дуче, у них, верно, есть автомобиль, лишь бы хороший, а то у него боли, надо в Швейцарии остановиться в первой же гостинице и позвать доктора, и, главное, молоко, но надо скорее одеться, ей стыдно, как же при мужчинах, может быть, они на минуту выйдут, задыхаясь, говорила она, наклонившись к туфлям на полу и все так же бросая быстрые взгляды на него, на человека с пулеметом, на стоявших за ним людей» [5, с. 261–262]. Когда ее слова оказываются бессильными, она пытается спасти его, заслоняя его своим телом во время расстрела. Последняя – циничная – оценка Клары принадлежит полковнику Валерио, расстрелявшему Муссолини: «Клара Петаччи также была мертва, – пишет в своих воспоминаниях полковник. – Она не была приговорена к смерти, но и она умерла» [5, с. 263]. Примечательно, что тела исторических Муссолини и Петаччи были перевезены в Милан и вместе похоронены там [6, 7]. В очерке редуцируется этот последний фрагмент судьбы Муссолини, и в этой связи можно говорить, что финал очерка прочитывается как новеллистический пуант, который типологически близок устойчивой ситуации русской литературы – испытания мужчины женской любовью и верностью. Алдановский Муссолини дискредитируется не только как политический деятель, но и как частный человек. А Клара Петаччи сохраняет женскую верность.

Данные очерки по-своему предваряют некоторые аспекты поэтики последнего романа Алданова – «Самоубийство» (1956). Частное измерение жизни политических и общественных деятелей, исторических и вымышленных (Ленин, Савва Морозов, Джембул) становится главным (или одним из главных) критерием нравственной состоятельности героев. Столкновение фабульно не соприкасающихся двух семейных пар – супруги Ласточкины и Ленин-Крупская – рождает логику несовместимости гармоничного семейного союза и жестокой социальной истории. Фабульное самоубийство Ласточкиных – прозрачная метафора национального самоистребления XX в., это путь, на который обрекают Россию политические вожди, вытравившие из жизни органику любви, семьи.

Таким образом, художественные очерки Алданова обнаруживают устойчивое стремление автора воссоздать отдельные фрагменты частного существования русских и европейских политических фигур. Родительский дом, семейные коллизии, роль женщины в судьбе исторического персонажа обретают характерологическую семантику, расширяя содержание образов главных героев.

Список литературы

1. Ли. Ч. Н. Марк Александрович Алданов. Жизнь и творчество // Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972. С. 95–104.
2. Алданов М. А. Сталин // Алданов М. А. Самоубийство: Роман. Армагеддон: Из записной книжки. Исторические портреты и очерки. М.: ТЕРРА, 1995. С. 688.
3. Алданов М. А. Собрание сочинений в шести томах. М.: Правда, 1991. Т. 6. С. 488.
4. Могильнер М. Мифология подпольного человека. М.: Новое Литературное Обозрение, 1999. С. 53–54.
5. Алданов М. Прямое действие. Рассказы. М., Новости, 1994. С. 237–238.
6. Audisio W. In nome del popolo italiano. Milano: Teti Stampa, 1975.
7. Легран Ж. Бенито Муссолини. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.

Пестерев С. К., аспирант.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 643050.

E-mail angmar@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 09.10.2012.

S. K. Pesterev

PRIVATE LIFE OF POLITICAL CHARACTERS IN ALDANOV'S ESSAYS

The article investigates the types of characters of Russian and European political history in terms of their private life in Aldanov's essays. The investigated aspect is semantics of parental home, family and other types of interpersonal relations. The article deals with three Aldanov's essays – "Uritsky's Murder", "Azef" and "Number 14".

Key words: *Aldanov, Kannegisser, Azef, Mussolini, essay, poetics, family, home, politics.*

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail angmar@sibmail.com